№ 19

И.К. Поспелов Воспоминания о гражданской войне. Мурманский район[421]

16 июня [1920] г.[422]

Поспелов Иван Константинович (Ванька Каин) *(1883-1943). Уроженец д. Терюшина Наволоцкой волости Онежского уезда Архангельской губернии. Участник гражданской войны не Севере, советский и хозяйственный работник. С 1900 г. на лесозаготовках на Мурмане, участник забастовочного движения на лесозаводах Стюарта (1905-1908 гг.) Член РСДРП. Неоднократно подвергался арестам. В 1915 г. возглавил артель лесорубов в с. Княжая Губа. В 1917 г. избран в состав Ковдского ревкома; зимой 1917-1918 гг. руководил артелью лесорубов, обеспечивавшей сырьем лесозаводы Ковды. В годы гражданской войны командовал партизанским отрядом, одержавшим победу над белофиннами под д. Соколозеро; летом 1918 г. в штабе Кандалакшского партизанского отряда; с 1919 г. командовал Княжегубским партизанским отрядом. В сентябре 1919 г. попал в плен, бежал. В октябре отряд понёс значительные потери в боях с белыми войсками под командованием подполковника Судакова; в ноябре 1919 г. – начале 1920 г. отряд вёл успешные боевые операции, захватил железнодорожную станцию Княжая; на бронепоезде, захваченном у белых, отряд Поспелова И.К. одним из первых вошёл в Мурманск. Член РВС 7-й армии. Председатель Мурманского Совдепа. Мурманским уездгоркомом РКП(б) откомандирован в Кемь; делегат 5-й Карельско-Олонецкой конференции РКП(б) в 1921 г.; с февраля 1921 г. член Карельского облисполкома. В 1920-1930 гг. занимал руководящие должности в лесозаготовительной и сплавной промышленности. Дважды подвергался необоснованным репрессиям (1937 г., 1940 г.). Реабилитирован посмертно в 1958 г. Похоронен в пос. Оксовском.*

После июльского контрреволюционного переворота в 1918 г., будучи придавленным реакционным прессом, я проживал в деревне Княжая Губа Кемского уезда. В конце сентября 1918 г. в деревню Княжая Губа приехал бывший военный комиссар финской Красной гвардии Кандалакшского района товарищ Иванен[423]. В это время в районе Княжая Губа - Кандалакша был сформирован финский легион под английским командованием.[424] С прибытием в Княжую Губу товарища Иванена мы повели агитацию среди финского легиона, сначала в очень тесном кругу своих знакомых товарищей финнов, постепенно расширяя круг своей агитации, мы достигли известного результата, и к началу января 1919 г. к нам присоединились целые роты солдат финского легиона, а затем и весь легион в числе около 2000 штыков, а также и большая часть офицеров финнов во главе с Лехтимеки и Токоем.

В конце января 1919 г. мы стали готовиться к вооруженному восстанию всего финского легиона против русско-английских белогвардейцев, но день выступления некоторое время задерживался ведением переговоров с карельским отрядом, расположенным в Кеми, о совместном выступлении против власти белых. Чтобы обеспечить успех нашего выступления, мы поставили себе целью во что бы то ни стало снестись с Советскими войсками на Петрозаводском фронте и просить их в назначенный нами день выступления, чтобы Советские войска сделали также наступление на Петрозаводском фронте. С этой целью мы послали три небольших отряда по 3 человека каждый товарищей финнов, которые должны были пробраться через линию фронта в Петрозаводск, но достигнуть успеха им не удалось, потому что все были арестованы в Карелии, таким образом, выходило так, что мы при выступлении должны были рассчитывать только на собственные силы.

---

[421] Заголовок автора.

[422] Год написания воспоминаний установлен по содержанию: в тексте описываются события февраля 1920 г., Чумбаров-Лучинский Ф.С., для которого писались воспоминания, погиб при подавлении Кронштадского мятежа в марте 1921 г.

[423] Так в документе, очевидно, *Ивонен.*

[424] Речь идет о «красных финнах», которые пришли из Финляндии после подавления там революции.

К 20 февраля 1919 г. приготовления к выступлению были закончены, и были приняты меры охраны от внезапного нападения на легион со стороны англичан. С этой целью на главную линию Мурманской железной дороги были выставлены караулы из легионеров финнов на тот случай, что если англичане привезут войска или придут их бронепоезда, то наши караулы должны были взорвать путь, чтобы парализовать их деятельность. Вокруг деревни Княжая Губа также были расставлены караулы, а выступление финского легиона было назначено на 1 марта. План наш был таков: части финского легиона занимали расположение линии железной дороги от ст. Ковда до ст. Хибины; в день 1 марта 1919 г. части финского легиона, несущие охрану железнодорожного моста на реке Ниве, должны были взорвать мост через эту реку и обороняться от белогвардейцев, нападающих со стороны Мурманска. Все остальные части финского легиона и железнодорожные рабочие должны направить главные свои силы в направлении на Кемь на соединение с частями карельского легиона и, соединившись с последним, вести дальше наступление на Медвежью Гору для соединения с Советскими войсками.

Но за несколько дней до выступления главный финский офицер Оскар Токой перебрасывается в лагерь англичан и начинает вести противоположную агитацию, что нас, мол, очень мало, а английских войск очень много, и что последние в большом количестве всё ещё прибывают в Мурманск, и что если финский легион выступит, то мы все будем поголовно перебиты, и только после такой агитации Токоя начинается брожение среди солдат финского легиона, и таким образом выступление срывается. Так мы прожили до мая месяца. Англичане, чтобы отделаться от финского легиона безболезненно для них, придумали хитрую штуку, т.е. снеслись с белофиннами и тогда предложили легионерам, чтобы последние выбрали несколько человек уполномоченных и поехали бы в Финляндию для переговоров о принятии легиона в Финляндию. После чего 4 человека финнов с английским полковником Буртоном во главе выехали пароходом, но не в Финляндию, а в Ревель, куда поехал и представитель Финляндии, результатом переговоров было то, что финляндские белогвардейцы приняли всех финских легионеров, за исключением 70 человек офицеров легиона. Когда вернулись уполномоченные, то Оскар Токой и тут оказал неоценимую услугу английскому командованию. Он объехал все части финского легиона и провел агитацию в пользу того, что финский легион должен ехать в Финляндию. «Какие мы революционеры, - говорил Токой, - что боимся ехать к белогвардейцам». И тогда на общем собрании большинство легионеров решили ехать в Финляндию.

Тогда перед нами встал вопрос: достать как можно больше оружия, собрать всё, что есть здорового и честного, и поднять восстание. В половине августа мы приступили к выполнению этого плана. Работа наша заключалась в следующем: по возможности старались ставить в качестве караула к английским интендантским складам своих надежных товарищей коммунистов финнов и, пользуясь этими 2 часами до смены караула, мы при помощи некоторых надежных товарищей подгоняли лодки и под покровом ночной темноты открывали английские склады и начинали погрузку в лодки оружия и принадлежностей, таким образом мы достали за несколько дней около 500 винтовок, 5 пулеметов и около 300000 патронов, несколько ящиков ручных гранат и часть динамита, а также доставили часть продовольствия месяца на полтора. Оружие частью перевезли через Кандадакшский залив между деревнями Колвицей и Кандалакшей, куда мы стали переправлять и своих товарищей, которые желали поступить в партизанский отряд. Из английского лазарета к нам поступили две сестры милосердия, которые раньше постарались запастись медикаментами, а потом и сами исчезли, и мы их также ночью переправили на лодке к месту формирования отряда. Одна из них Эльза Пиринен находилась всё время при моём отряде до 21 февраля 1920 г., т. е. до дня падения

Северной области. Особо деятельное участие в подготовке отряда, добывании оружия принимали товарищи финны Вяйнола Юхо и Веттоне[425] Верпер.

К 10 сентября 1919 г. у нас в отряде уже находилось 35 финнов и человек 35 местных крестьян, после того как отряд из 70 человек был сформирован, товарищи Ивонен, Ветонно[426] и Вяйнола также уехали к отряду, там же находился товарищ Иванов Михаил, который также принимал участие в агитации среди крестьян, таким образом, в Княжой Губе я остался один. Наш план состоял в том: мы должны были не обнаруживать себя до тех пор, пока последние иностранные войска не выедут из пределов Мурманского края, и тогда уже напасть на русских белогвардейцев. Когда тов. Ивонен уезжал к отряду, он умолял и меня, чтобы я также поехал с ним, он боялся, что меня могут арестовать, но я не считал возможным уехать, потому что у меня имелась связь с фронтом белых, и нужно было пока точно следить за всем передвижением войск так называемых Северных союзников. Итак, я остался с несколькими товарищами в Княжой Губе, получал со всех сторон сведения о движении войск противника и давал те или другие указания товарищу Ивонену. На пишущей машинке печатали прокламации и воззвания к рабочим железнодорожникам, призывая их на борьбу против узурпаторов белогвардейцев.

21 сентября 1919 г. в 11 часов вечера я был арестован сербско-английскими отрядами, и моторной дрезиной около 2 часов по полуночи доставили меня в Кандалакшу, где держали под усиленным конвоем. 23 сентября водили на допрос в штаб с усиленным эскортом, т.е. выстроили шпалерами 2 роты солдат при 6 пулеметах и взвод личного конвоя. Когда привели в штаб, там был английский полковник и какой-то русский офицер в качестве переводчика. Когда меня ввели, то полковник через переводчика сказал мне: «Ну, если хочешь живым выйти отсюда, то ты должен сказать всю правду, что знаешь. Ты не думай, что мы ничего не знаем, нам известна вся твоя работа уже 6 месяцев тому назад». На что я ему ответил, что, если они знают, то тем лучше, и мне совершенно нечего говорить. После моего ответа вспылил и приказал отвести меня обратно, сказал: «Подумай хорошенько».

В ночь с 22-го на 23-е англичане послали отряд из 60 человек на 4 карбасах на поиски тов. Иванова и ещё пяти человек, бежавших из Александровской тюрьмы, там отряд английских солдат натолкнулся на наш партизанский отряд. Партизаны подпустили их вплотную до берега и забросали их ручными гранатами, сделали несколько залпов, выпустили две ленты из пулемета; через десять минут весь отряд англичан в числе 60 человек был уничтожен, тут же убито 6 английских офицеров, из них один полковник и один капитан. Уничтожение английского отряда нагнало такого страха на англичан, что они забегали в Кандалакше, как сумасшедшие, начали устанавливать артиллерию, устраивать броневые площадки и т.д. В Кандалакше находился небольшой отряд французов. После того, как побили англичан, французы сделали посадку в вагоны и быстро уехали в Мурманск.

23 сентября 1919 г. в 12 часов ночи меня разбудили конвойные и приказали одеваться. Я быстро оделся, думал, что поведут на расстрел. Немного спустя, в караульное помещение вошли два офицера, английский и русский, и с револьверами в руках повели меня в деревню Кандалакша. Там мы остановились у дома Петра Ярусова и ждали некоторое время. Немного погодя, пришёл местный крестьянин Иван Логинов с веслами в руках, и меня усадили в лодку. Офицеры сели один впереди, другой сзади, держа дула револьверов в упор в висок мне. Логинов сел на вёсла, таким образом переправились через реку, и меня в таком виде повели дальше за деревню, к лесу, где, я думал, и прикончат. Когда меня провели за деревню, то остановились и говорят: «Вот ты должен идти разыскать эту шайку бандитов, которые убили английских солдат, и прийти сказать нам, где они находятся, сколько их есть, чем вооружены. Сегодня ночью, - сказали мне, - твоя жена и дети будут арестованы и доставлены в Кандалакшу, и если, мол, ты не

---

[425]Так в документе, очевидно, *Веттонен*.

[426] Так в документе, очевидно, *Веттонен*.

вернешься, то они будут расстреляны». И, пожелав мне счастливого пути, [они] удалились.

Я остался один, как прикованный к месту, ничего не понимая, что происходит со мной. Первое, что мне пришло в голову, это попытаться спасти семью (но до деревни Княжая Губа было 50 верст, кроме того, нужно было переправиться через две больших реки). Когда я [всё] обдумал, то пришёл к такому заключению, что предупредить арест своих я не могу, ибо они по железной дороге быстрее доедут, чем я пешком. Итак, я пошёл разыскивать наших товарищей партизан, так как местонахождение мне было известно, то мне не стоило большого труда разыскать их, и 24 сентября я был среди своих товарищей. Той же ночью, которой выпустили меня, был таким же путём выпущен второй наш товарищ Пельтихин, который также 24-го пришёл в отряд.

Наши товарищи Иванов и Ивонен советовали нам идти обратно к англичанам, но мы с Пельтихиным сказали, что мы должны всё принести в жертву ради достижения наших целей, даже жён и детей, и сразу же принялись за дело. Был направлен отряд 25 человек по направлению к Имандре, где взорвали 6 мостов, захватили 9 вагонов динамита, после чего здесь открылся настоящий фронт. В Кандалакшский залив вошли 4 военных судна и пароход воздухоплавательного парка с гидропланами, и в каждый день залетали гидропланы, ночью прожектора освещали берег и горизонт моря. Одновременно со взрывом мостов было поднято восстание крестьян в Княжой Губе, но тут были вызваны войска с фронта и бронепоезда, а также и военные суда. Нас бы белогвардейцы окружили цепью, но им дали хороший отпор, и они отступили, но тут произошла заминка. Большая часть крестьян, опасаясь, что по деревне будет открыт артиллерийский огонь, стала разбегаться, более же надёжные товарищи ушли с нами, а остальные сдались на милость белогвардейцев, и вместо милости в тот же вечер 27 человек 6 октября 1919 г. были расстреляны.

После этого мы оставались вблизи линии железной дороги в районе Кандалакша - Полярный Круг весь октябрь месяц, а второй отряд под руководством тов. Ивонена и Иванова - в районе Кандалакши и Имандры. В это время было стянуто очень много войск белыми с фронта по всей линии железной дороги, так что мы ограничивались тем, что постоянно их беспокоили, обстреливая в разных местах одновременно, но для более активной решительной схватки у нас не хватало сил, ибо в обоих отрядах у нас было не более 100 человек.

В последних числах октября я поехал в Карелию, чтобы там поднять восстание и [под]толкнуть карел против белогвардейцев на Кемь, но удалось сделать лишь то, что карелы не пошли в белую армию, за что Северное правительство лишило их продовольственного пайка. Но тут на помощь Севера и пришла финская белогвардейская банда, которая повела агитацию, чтобы карелы играли автономию, и предложила им хлеба, и карелы потянулись к хлебу[427].

К началу ноября и у нас продовольствие по[до]шло к концу, а доставать становилось труднее, потому что белогвардейцы увезли все продовольственные грузы с линии в Мурманск и Медвежью Гору, и нам стало неоткуда пополнять запас продовольствия. 1 ноября я отвел свой отряд в деревню Конецковдозеро в 40 верстах от линии железной дороги для того, чтобы дать немножко отдохнуть, потому что в течение 2 месяцев мы жили преимущественно в лесу, у костров. Оттуда послал письмо тов. Ивонену, в котором просил их прибыть с отрядом к нам на соединение. Когда мои посланцы вернулись, то я узнал, что тов. Ивонен и Иванов распустили отряд на все стороны. Тов. Иванов с 10 товарищами поехали на лодке через море в г. Онегу и пробрались в Советскую Россию; Ивонен, Вяйнола и Веттонен пошли попадать в Норвегию. Тогда же стали прибывать к нам товарищи из распущенного отряда, и я их стал снова группировать в один отряд.

---

[427] Так в документе.

10 ноября мы сделали попытку взорвать мост через реку Ковда, но для выполнения этого плана не хватило сил; у меня было всего человек 40, хотя и очень отважных людей, но на охране мостов было в 5 раз больше людей, чем у нас, при 4 пулеметах и бронепоезде. Голод и лишения с каждым днём давали себя чувствовать всё больше и больше, и более слабые товарищи уходили от нас, уходили с тем, чтобы более не вернуться, потому что всех, кого только поймают белогвардейцы, тут же расстреливали. Людей у меня становилось всё меньше, но зато оставались самые лучшие, самые надежные товарищи, на всё готовые, которые поголовно умрут на своём посту, но ни перед чем не отступят. Белогвардейцы увидели, что они с нами всё-таки ничего сделать не могут. Тогда они объявили, что, если кто убьёт меня или поможет поймать, то тому будет уплачено за голову 25000 рублей. Кроме того, чтобы как-нибудь восстановить против нас население белогвардейцы дали мне кличку Ванька Каин, т.е. связали моё имя с именем исторического разбойника, и в своих поганых газетах они всячески старались нас очернить, что мы вовсе и не политические, а просто уголовные преступники, но это им не удалось, потому что местное население поголовно знало меня. Тогда белогвардейцы применили ужасный террор, и те деревни или дома, где мы останавливались отдохнуть, впоследствии после нашего ухода белогвардейцы сжигали целые деревни. Так было сожжено в деревне Колвица 17 домов.

В половине ноября наступила осенняя распутица, и наша деятельность прекратилась более чем на месяц, потому что здесь на Севере дорог вовсе не имеется, и можно передвигаться только на лодках, а тут озера покрылись тонким льдом, так что было нельзя ни пешком идти и ни ехать на лодках. Так мы были вынуждены сидеть без действия до 25 декабря, продовольственное положение было тяжёлое, и мы решились на последнее средство, т.е. забрали у мужиков стадо оленей 50 штук и недели две питались исключительно олениной без соли и хлеба, после чего удалось достать соли небольшую часть, а товарищи карелы стали нам доставлять небольшое количество хлеба, а также мы забрали у двух местных кулаков пудов 25 озёрной рыбы и так продолжали держаться до февраля месяца, т.е. когда началось восстание на Имандре и в Мурманске. Офицеры карательного отряда бронепоезда № 1 бросили на разъезде Княжая свой бронепоезд и побежали в Финляндию, но по дороге мы их задержали, и они были доставлены в Мурманск. Мы же подобрали их бронепоезд и приехали на нём в Мурманск, после чего отряд свой я распустил по домам на рыбные промыслы отдохнуть.

На память товарищу Чумбарову-Лучинскому. Краткий очерк наших путешествий, он очень не полон, но нет времени детальнее собрать всё по дневникам. Когда-либо выберу и пошлю тебе полнее.

16 июня И.Поспелов

ГАМО, ф. П-2393, оп.2, д. 377, л.129-135. Заверенная машинописная копия.